

К. С. 91

Родник
у дорони

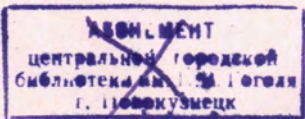
Евгений Буравлев

к Р2
Б91

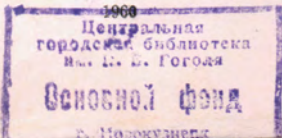
Родник
у дороги

СТИХИ

44200
126435

КЕМЕРОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Дорога
идёт
на восток

* * *

Не торопись закрыть страницу,
Не взяв на пробу ни строки, —
Мол, вот «Родник»,
А не напиться —
Опять стишки, одни стишки...
Должно быть, больше все про
шпалы

Да про бетон...
А ты, поэт,
Дай книжку, чтобы занимала!..

И то сказать, упрек не малый —
Чего тут нет, того, брат, нет.
Не обещаю.

Но, а все же
Захлопнуть книжку не спешу:
Вдруг чем-нибудь да растревожу,
Вдруг выдам строчку для души!

ДОРОГА ИДЕТ НА ВОСТОК

Когда говорят о просторах России,
Я вижу бескрайние земли Сибири,
Где милостей божьих мы не просили
И первые просеки сами рубили.

Когда говорят о российском
богатстве,

Что может с Сибирью равняться?
С ангарской волной,
С иркутской сосной,
С доброй сталью и углем Кузбасса,
С алтайской пшеницею наливной,
С новой южсибовской трассой?

А сколько здесь дела!

Край непочатый!
Для дерзких, для смелых,
неугомонных.

Недаром московские парни, девчата
Сошли, не боясь, на глухих перегонах.
Смеясь распрощались со сказкой
вчерашней:

Сибирь оказалась нестрашной!
И снег не глубокий,
И мороз не жесток,
И медведей не так уж много,
Если дорога зовет на восток,
Больших свершений дорога!

Лавина зерна, чугуна, алюминия,
Угля и стали крепчайшей в мире —
Вот семилетки шаги семимильные
В будущий день нашей Сибири...
Над нами порою иные смеются
Из пошленького уютца:
«Кузнецк — Абакан,
Тайшет — Абакан...
Не вожжа ли под хвост попала?
Как будто романтики им, чудакам,
В Измайловском парке мало!»

Но тот, кто не бросил
в костер ни полена,

В палатках не зяб,
 не сплавлился по рекам,
 Не рыл котлованов,
 не вяз по колено —
 В долгу перед нами,
 в долгу перед веком.
 По фронту строек пошло
 в наступление
 Наше новое поколение.
 Ляг под мосток,
 Горный поток!
 Потеснись-ка, тайга, немного!
 Дорога, дорога идет на восток,
 Больших свершений дорога!

МОСТОВИК

*Старейшему русскому
рабочему-мостостроителю
А. Д. Благодарному.*

Голубая долина
Еще не впитала росу;
Легкой свежестью веет
Не то от реки,
Не то с гор;
Словно только проснувшись,
Студеные струи Бель-Су
Повели разговор.

Не о дальних морях,
Не о здешней таежной красе,
Не о славе Ак-Гая,¹⁾

1) «Белая Скала» — богатырь темир-узов (кузнецов), ковавший кулаком железо.

Рожденной преданьями лет, —
О простом человеке,
Что нынче прошел по росе
И оставил свой след.

Это он на Москве на реке,
В ряд с умельцами русскими встав,
С мастерком и отвесом в руке
Клад опоры красавца-моста.

Это он, камышами шурша,
Полстолетья тому назад
Выходил к берегам Иртыша
На сибирский посад.

Это он, на всю жизнь полюбив
Белоснежный черемушный дым,
Побывал на тихой Оби
И ушел на Чулым.

И о нем, омывая бетон,
Вспоминают Амур, Сунгари,
Вспоминают и Днепр и Дон,
И Нева о нем говорит...

Любопытна сегодня река:
— Говорят, человек этот скор
И спешит пройти в Абакан,
Что лежит за грядою гор.

Говорят, человек этот сед,
Но уж коль мастерок в руках —
То на вид ему двадцать лет,
То и строит он на века.

И еще говорят, будто он
От бетона силу берет
И для прочности
В новый бетон
Долю сердца кладет...

Вечер.
В воду упали
И звезды и слитки костров.
А в тайге беспокойно:
То фыркнет, как лошадь, кессон.
То раскатятся эхом
Тяжелые вздохи копров,
То Бель-Су забормочет сквозь сон..

Нет, не спит Ала-Тау.
Не спится и мне в этот вечер, —
Как же можно проспять
Исполненье заветной мечты?
Вместе с мастером старым
Мне завтра от этой вот речки
Строить в будущее мосты.

БАЛЛАДА О САПЁРЕ

Долго по следу сапера
Крадучись смерть ходила,
Не затевала спора —
Все до поры щадила, —
Только дышала рядом
Стужей мгновений длинных.
То над фугасным зарядом,
То на полях на минных;
Сердцем толовой шашки,
Черным зрачком запала
Неосторожной промашки
От него ожидала.

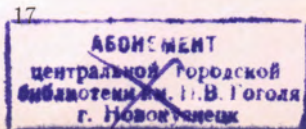
А он обходил ее мимо,
К трудной привык работе—
Мина ему — не мина, —
Прокладывал путь пехоте...

144200 126435

Невзятые перевалы,
Непройденные тоннели.
Спешил, как будто боялся:
Останется сыну работа,
И к ночи в барак возвращается
Оглохший и мокрый от пота..

Но было такое место:
Вздымались скалы отвесно,
На речке, что билась справа, —
Временная переправа.
Замерло все на стройке
В ожидании взрыва.
Только кедровки да сойки
Звенели за дальней гривой.
Только, прощаясь с летом,
Солнце пекло нестерпимо...

Но я не думал об этом,
Встретив тогда Никодима.
Кострами багряных нарядов
Не волновала осень —
Из десяти зарядов
Сработало только восемь.

А за спиной — переправа:
Люди, рельсы и шпалы.
И только он имел право
Снова сменить запалы...

Внешне спокоен, беспечен
Перед свершением трудным
Шагнул он к дымящимся грудам,
Расправив саженные плечи:
— Посторонись, пехота!
Побереги здоровье! —
И только капелька пота
Застряла над самой бровью.
Только стиснул мне руку
В жаркой своей ладони:
— Если чего... Как другу...
Поприсмотри за Леней... —
Только сердце заныло:
«Эх, кабы жизни по две...»
Но долга властная сила
Звала и вела на подвиг...

Напрасно к обеду Лешка
Принес узелок нехитрый —

Краюшку хлеба, картошки
И молока пол-литра, —
Когда разметало скалы
В облаке щебня и дыма,
Мы знали: его не стало —
Взрывника Никодима.

С заломленными руками
Упала навзничь береза,
Казалось, что даже камни
Точили украдкой слезы.
И кто-то из старых путейцев,
Пропахший от шпал креозотом,
Вспомнил, как рота гвардейцев
Шла за Матросовым к дзоту...

Все было сурово и просто,
Как все, что связано с боем.
Но долго еще подросток
Сладить не мог с собою.
Тяжелое, человечесьё
Горе,
Как камня глыба,
Легло на мальчишечьи плечи
На сотой версте Южсиба...

И если случится — мимо
Промчит тебя скорый поезд, —
Поклонись ему в пояс —
Взрывнику Никодиму.

РОДНИК У ДОРОГИ

Тропа — с уступа на уступ.
Сорвешься вниз — пиши пропал,
Но за верстой идешь версту,
Пока минуешь перевал.

А там — степей хакасских зной,
Тропа — росинки ни одной,
Ковыль да камень по бокам
До самой речки Абакан...

Еще на всех два сухаря,
Еще на всех глоток воды,
Еще, короче говоря,
Не так уж близко до беды.

Но вот ковыль от жажды сник,
От зноя воздух, как смола.

Казалось, все...
И вдруг — родник!
К живой воде тропа вела.

Кто эту тропку проторил?
Охотник? Спутник Ермака?
Кто в камне ложе смастерил
Для колыбели родника?

Напейся, жажду утоли —
И снова в путь бери разбег.
Должно быть, добрый человек
Впервой примял здесь ковыли.

И пусть помянут был как раз.
Не он — беда не велика —
Тем, кто до нас и после нас
Изведал силу родника.

ТРУДНЫЙ ПИКЕТ

Бывает, сходится клином
Свет на одном из пикетов¹⁾):
Впереди — непролазная глина,
Позади — эшелон пакетов
(Сотни рельсовых звеньев,
Собранных к наступлению),
А вокруг километров за сто
Не найти кубометра балласта.

И тогда — ни раньше, ни позже —
Связь окажется в полном порядке,
И начальник стройки предложит
Устранить затор на укладке...
Но составлены в козлы лопаты,
Разомлели в тепле ребята

¹⁾ Пикет — стометровый участок пути.

С Дона, с Волги, с безвестной Косули,
За две ночи впервые уснули.
Как поднять их, промокших, уставших,
И какими смотреть глазами,
Если младшей дочурки не старше
Та вон девочка из Казани?
Провалилось все до утра бы
С непогодой, с долей прораба,
С этой выемкой, с чертовой глиной,
Вместе с осенью неповинной.

Но другого пути здесь нету,
И дожди не сулят просвета,
И не станут короче к рассвету
Сто бескрайних метров пикета.
И, стыдясь минутной заминки,
Ты идешь по колено в суглинке,
И впервые на прочность экзамен
Держит девочка из Казани.

А когда был откос зачищен,
Сдан последний метр под укладку,
Ты как будто светлей и чище
Возвратился в свою палатку...

Снова в козлах стоят лопаты,
Разметались во сне ребята...
А что было — не надо об этом —
Все осталось за трудным пикетом.

МОЕ СЧАСТЬЕ

Вот оно, мое счастье, —
В крылатом прорабском
плаще,
В сапогах-кирзачах,
Повидавших болота и грязь;
Ясноглазою зорькой,
С горячей живинкой в душе
Ты идешь, мое счастье,
Ничего не боясь.
Расступаются кедры,
Ложатся долины к ногам,
Сторонятся покорно
Громады базальтовых скал,
Зазывают серебряным звоном
Речушки к своим берегам,
И глядит на тебя с уваженьем
Седоглавый Таскыл.
Ты идешь, мое счастье,

Встают за тобою мосты,
Сталью рельсов кузнецких
Сверкает на солнце Южсиб.
И, совсем как девчонка,
Ломаешь черемуху ты,
И скрывать не умеешь
Движений души...

Я встречал тебя раньше.
Но как это было давно!..
Алый бантик в косичке
И вздернутый пуговкой нос...
Помню: в твой день рожденья,
Вихраст, босоног,
Я бумажного змея принес...

То, давнишнее, счастье ушло
С голубями, с лаптой.
Чуть опробовав крылья,
Разлетелись по свету друзья.
Пусть не сходятся горы —
А я повстречался с тобой.
И жалею о детстве:
Подергать за косы нельзя,
И не знаю, как выразить радость:

Друг там, где нужнее всего,
Друг не сбился с пути,
Не растратил по мелочи жизнь.
Так какую же песню
Я должен сложить про него,
Чтоб слова этой песни
По сердцу пришлись?

Вот она, моя песня, —
В крылатом прорабском плаще,
В сапогах-кирзачах,
Повидавших болота и грязь;
Ясноглазою зорькой,
С горячей живинкой в душе
Ты идешь, моя песня,
Ничего не боясь.

БРИГАДИР АЛИ УМАРБЕК

Вот и опять не шагнуть за порог —
То глухая пурга, то морозная звень,
И даже Али, несмотря на зарок,
Курит четвертый день.
Метет и метет ошалелый снег,
Ветер насквозь продувает брезент.
Возле огненной печки Али Умарбек
Вспоминает родной Ташкент.
А над палаткой гудят провода —
Тревожно на сердце все эти дни, —
Как будто бьется чья-то беда,
Безнадежно запутавшись в них.
Гудят и в ста метрах на юго-восток
Падают в снег, спиралью кружа.
А связь, как в пустыне воды глоток,
Ожидает далекая Бискамжа¹⁾).

¹⁾ Станция на участке Южсиба Сталинск—Абакан.

Не мог больше выдержать Умарбек
И сказал: «Пурги и мороза нет!»,
И шагнул за полог в кипящий снег.
И мы потянулись вслед.

Со шквальным ветром,
со снегом по грудь

Два дня продолжалась борьба.

От столба к столбу
дотянуть как-нибудь

И еще — от столба до столба.

И когда на исходе второго дня,
Продутый со всех четырех сторон,
Последний столб Умарбек обнял —
Захрипел полевой телефон.

Кто-то сидел без стекла и гвоздей,
Где-то вагон под откос слетел —

Одновременно десятки людей
Говорили о сотне дел.

И, пробиваясь сквозь все голоса,
Летело: «Ты слышишь меня, Али?!»

«Сын! Понимаешь?! Сын родился!
Мы тебя ждем, Али!..»

Кто-то басил на другом конце —
Не мог разобрать Умарбек.

Таял колючий снег на лице,

Слова продолжали свой бег:

«Алло, Бискамжа! Алло,

Бискамжа!»

А к горлу Али подкатился ком,
И, наверно, от холода так дрожат
Провода, опущенные куржаком.

НА ЮЖСИБЕ

Улегся облака сугроб
У дальних гор в ногах,
Как будто ветер-дворник сгреб
Со всей земли снега.
А надо мной такая синь,
С такою глубиной,
Что кажется: вот руки вскинь,
И — крылья за спиной.
Наверно, здесь любил присесть
Орел в полдневный зной.
Отсюда виден весь как есть
Хакасский край степной.
Видна таежницы Томи
Зеркальная межа,
В прыжке застывшая на миг
Резвушка Бискамжа¹⁾.

1) Горный приток Томи.

Папахи взрывов над тайгой,
Зубцы дымящих скал, —
Там, на тоннеле, вышел в бой
Строитель-аммонал.
А там, где кряж верблюдом лег,
Навьючив облака,
Составы первый уголек
Увозят в Абакан...
Нет, никогда я не жалел,
Что изо всех дорог
Я выбрал ту, где больше дел,
Где под дождями дрозг,
Где труден путь, как перевал,
Где люди хороши.
И если б снова выбирал,
То выбрал бы Южсиб.

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Четвертый час саперный взвод
Под вражеским огнем:
На карте здесь помечен брод,
А где он — черт не разберет.
Не то что ночью —
Днем.
В чужом краю — не у себя,
Где каждый пережат,
Спроси в деревне у ребят,
Покажут и без карт...

А позади, в семи шагах,
Залегший с марша полк:
— Ну, что
Лежать, дразнить врага?
— Придется плыть нам наугад, —
Какой в саперах толк...

От горя мостом лечь готов
Саперный капитан.
И вдруг
К нему из-за кустов
Мальчонка — Чжу Фу-тан:
— Нипонса — куна,
Русс — шанго,¹⁾ —
А сам рукой зовет,
Давайте, мол, за мной, бегом:
За поворотом брод...

Прошел последний взвод полка
По отмели речной.
Несут мальчонку на руках —
Осколок в грудь сквозной...

Душа солдата глубока —
Слезу достать не вдруг, —
Но лег под знаменем полка
Твой новый юный друг.
И как ее, скупую, скрыть?
Склонился капитан:
— Крепись, браток...

¹⁾ Японец — подлец, русский — хорошо.

Ты должен жить,
Товарищ Чжу Фу-тан...

За взводом — взвод.
Мерцает сталь.
Глаза огнем горят.
Снял капитан с груди медаль, —
Была б Звезда — Звезды не жаль:
— Возьми за подвиг, брат...

* * *

*

«Лосиный камень» на пути
Загородил проход —
Не обогнуть,
Не обойти.
А срок жесток — не ждет:
Кузнецкий марганец залег
В нетронутых пластах,
Железо, медь и уголек —
Богатые места!
А дальше,
За горбами гор,
Ждет каждую весну
Земель непаханых простор,
Тоскуя по зерну...

«Тебя, сапер, народ послал
Пробить к богатствам путь,
Чего ж ты ждешь,
Чего ж ты стал —
Крепка у камня грудь?»
Подумал так — и пот прошиб
Седого взрывника:
Как будто должен не Южсиб
Пройти здесь —
Путь полка!

И вот он вдаль уже глядит,
Тверд и спокоен взгляд.
Дробят проходчики гранит.
Скала в пути —
Скала взлетит!
— Эй, не жалей заряд!..

И вдруг,
Как много лет назад:
— Товарищ капитан?
Не сон ли? Верить ли глазам?
— Дружище! Чжу Фу-тан!
Обнял, к груди его прижал:
— Брат...

Друг...

Да как ты тут?..

— Меня на практику прислал
Московский институт...

Душа солдата глубока —

Слезу достать не вдруг, —

Но если радость велика...

Жив твой давнишний друг!

И как не вспомнить давний брод

И фронтовую ночь...

— И твой народ,

И мой народ,

Как два бойца, точь-в-точь.

Мы на смерть шли

За брата брат.

И строим заодно.

Эй, взрывники, добавь заряд!

Идти, не ведая преград,

Нам вместе суждено!

„СЕРЕБРЯНОЕ“ ЗВЕНО

Сегодня праздник у нас —
Укладка последнего рельса,
День долгожданного рейса
Абаканской руды в Кузбасс!

Но не забыть, как давно,
Еще на тропе неприметной
«Серебряное» звено
Стало мечтой заветной.

«Серебряное» звено...

Вмерзшие в снег палатки...

Ветер, сшибающий с ног...

Первых дней неполадки...

«Серебряное» звено...

Красный, Лосиный,

Казырский —

Как будто в место в одно
Собрался гранит сибирский.

Как будто сюда по весне
Вода со всех гор спешила...
Все это было во сне
Или взаправду было?
Мы не считали сами
За подвиг свершенное нами.
Просто горели в груди
У тех, кто шел впереди,
Воли такая сила,
Вдохновенья такого накал —
Если бы шпал не хватило,
Сами б легли вместо шпал!..
И вот последний костыль
Забит рукою усталой.
Метет серебристая пыль,
Летит под колеса состава.
И сердце стучится в ритм
Звонкой песне Южсиба,
И каждый стык говорит:
— Спасибо!

Спасибо!

Спасибо!

У нас
в Междуречье

Главы
из поэмы „Красная горка“

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Мой друг,
Прошли десятилетия,
А все, как много лет назад,
Здесь ходят деды ставить сети
За белопенный перекат;
Спешат мальчишки, как извечно,
К стволу приладив туесок,
Собрать с березы подвенечной
Земли весенней первый сок;
А там, глядишь, пора черемух,
И все девчата Сыркаша
На островах, как на паромах,
Поют — заходится душа.

Но это все придет весной —
Ручьи, сережки тальника,
Шитье черемух кружевное —
У нас еще зима пока.

Еще разбойные метели
Ночами свищут вдоль дорог,
Да так, что утром еле-еле
Сквозь снег пробьешься за порог

И все же рад не тем приметам,
Не грустью о весне томим —
Оставим все это поэтам,
Хоть их не густо по Томи.

Не для того свой край из'ездил,
Чтоб в полночь как-нибудь открыть
Поселка нового созвездье
И стих о звездах сочинить.
И нужен ли блокнот с собою
Для впечатлений про запас.
Когда живу твоей судьбою,
Твоим дыханием, Кузбасс,
Когда бок о бок с земляками
Шел, одержим одной мечтой,
Ворочал бревна, землю, камень,
Чтоб ожил край необжитой!

И если смутное волнение
Еще не складывалось в стих,

Я не пенял на вдохновенье,
Бессильно руки опустив,
Я знал: вот-вот он народится,
Весь озаренный новизной,
Предубеждений и традиций
Недуг ломая затяжной.

Да, все здесь так.
И друг приезжий
Увидит наших рыбаков
И детвору, и плес безбрежный,
И новый город горняков,
Еще едва набравший силы —
Иные зданья налегке,
Где в полстены, где под стропила,
Уходят улицей к реке,
Иные, кран дозорный выслав,
Площадку выбрав в самый раз,
Теснят «проспект», что не без смысла
Зовут Нахаловкой у нас;
Полюбит наше Междуречье
И — коль с душою горняка —
Окрестных гор крутые плечи
С поклажей угля на века;
Полюбит заросли черемух —

Грешно ломать, но так и быть —
И, если парень он не промах,
Найдет кому их подарить;
И, побывав хоть раз в забое,
Узнав, чем город знаменит,
С его завидною судьбою
Свою судьбу соединит.

Да, все здесь так.
Но было время,
Когда по тайным маякам
Угрюмых карбасников племя
Свой флот водило к приискам.
Через Сыркаш, Чульжан и Тебу,
Туда, где снежный Тегри-Тыш
Четыре зуба поднял к небу,
Где только птицей пролетишь.

Но там за соль, свинец и порох
У шорцев можно наменять
Собольих шкурок, о которых
Иной купец не смел мечтать.

Но там старатель приисковый
Платил червонным за харчи

И не рядился за целковый,
Спеша в Кузнецк, —
Лишь в срок домчи!

И бог судья, коль тот старатель,
Случайным фартом ъянен,
Вдруг на Казырском перекате
Был невзначай волной снесен.
Земля возьмет бедняги тело,
Не выдаст тайну перекаат,
А там — кому какое дело,
Откуда карбасник богат?

Их, атамановских, кузнецких,
Знавал народ по именам,
По дням разгулий молодецких:
«Пей! Хватит всем —
И вам, и нам!»,
По крепким избам пятистенным
На бойком месте, на юру,
По бабам, гладким и степенным,
По псам, прикованным к двору,
А больше — по живым обидам,
По стертым бечевой плечам,

Да по ступням, о камни сбитым
За хлеб богатых кузнечан...

Но было и такое время:
В таежной чуткой тишине
Нет-нет о саблю звякнет стремя,
Да грохнет выстрел в стороне,
Да встанет под горой сыркашской,
Как будто вкопан на века,
Над обагренною ромашкой
Горячий конь без седока.

Умолк колчаковский каратель,
Рой мух припал к слепым глазам.
А кто стрелял?
Шахтер? Старатель?
Одно известно — партизан.

Где он теперь? На лесосплаве?
На стройке? В шахте? Чья вина,
Что мы, одних не в меру славя,
Других забыли имена?

Но потолкуй со старой шоркой —
И, вспомнив сына, скажет мать,

За что в народе Красной горкой
Увал заречный стали звать,
За что людей отважных горстка
Последний бой здесь провела...
Поныне уголь красногорский
Хранит частицу их тепла...

Но так уж как-то по привычке,
Засев за книгу про Кузбасс,
Писатель с первой же странички
Вдруг о медведях вел рассказ,
О беспросветной глухомани,
О дебрях за Шамаи-горой, —
Не потому ли, что в романе
Заезжий действовал герой?

Да что роман! Газетчик строгий,
Воздав привычке этой дань,
На днях свой очерк о дороге
Назвал: «Дорога в глухомань».

А, между тем, понятие это
Так относительно теперь,
Что прежде, чем сказать:
«Край света»,

Не торопясь, семь раз отмерь.
Прикинь, давно ли «азиатом»
Для европейца сам ты был?
А вот служить заставил атом
И первым в Космос путь открыл!

А сколько сделано тобою
Чудес — ты только оглянись! —
На землях тех, что взяты с бою
И дороги тебе, как жизнь?
И если край какой-то девственен,
Так, просто руки не дошли —
Живем не в Датском королевстве,
А на одной шестой Земли!

Но есть, живут еще такие,
Не признающие родства
С тобой, Орел, с тобою, Киев,
А может, и с тобой, Москва.
Для них все глушь:
Чита и Руза,
Край норильчан и горьковчан,
Земля, где предок темир-узов
Сковал железо для меча.

И мы условимся заранее,
Хотя бы по причине той,
Звать край наш, вместо глухомани,
Землей, пока необжитой.

Нет, мы не будем забираться
За спором в глубь седых веков...
Здесь начали с коопераций,
С артелей промысловиков.
И пусть не все случалось гладко —
Была пора так горяча,
Что ради пущего порядка
Рубили кое в чем сплеча.

Но побеждал народный разум,
И сокровенные мечты
Приобретали — пусть не сразу —
Живые, зримые черты.
Уже ватага ребятишек
Читала бойко буквари,
Уже привычно с клубной крыши
Московский диктор говорил,
И вечерами в байском доме
Решал проблемы сельсовет,
Когда с зарей кузнецких домен

Заспорил утренний рассвет.
Живой водою окропленный
Века дремавший богатырь,
Вставал Кузбасс наш
 обновленный —
Индустриальная Сибирь!

И, может быть, в иную дату
Здесь встал бы город горняков,
Когда б не позвала в солдаты
Отчизна-мать сибиряков.

Нет, не могу я, успокоясь,
Не вспомнить пройденных путей,
Когда оттягивали пояс
Семь притаившихся смертей...

Казалось, все уже с войною,
И враг давно уж побежден —
Прошли те грозы над страную
Косым осколочным дождем;
Казалось, в сердце для волненья
И места нет, и мир кругом,
А все сожмется на мгновенье,
На дальний отзовется гром.

И так захочется порою
Сказать пророкам непогод,
Что ждут меня мои герои,
Что дел у нас невпроворот,
Что этот новый город строя,
Не крови жаждет мой народ;
Кончайте ж с адскою игрою —
Она к добру не приведет!

Не для того сюда впервые
Прошел геологов отряд
И ставил вышки буровые,
Чтоб смел все атомный заряд.

Нет, не шути с моим народом:
Спокоен, терпелив на вид.
Суров он в гневе благородном,
Дойдет лишь дело до обид.
Он может хлебом поделиться
И никого не тронет зря,
Но не позволит поступиться
Великой правдой Октября.

Той светлой правдой окрылены,
Вели сюда сибиряки

И первых тракторов колонны,
И тракт асфальтный вдоль реки.
Вскипала Томь по перекатам,
Грозя все смыть. Но люди шли,
Чтоб новый путь, широк, накатан,
Пролег к сокровищам земли.

Шли через топи, буреломы,
На гати вырубив кусты,
По речкам наведя паромы,
Построив первые мосты, —
Не ради славы,
Не за рубль
(Таких — по пальцам перечесть).
Велела Родина: «Дать уголь!»
И горняки сказали: «Есть!»

МОЛОДОСТЬ НАШЕЙ ЗЕМЛИ

Паромы...
Верная примета,
Что вслед за ними быть мостам.
Ну, а пока по тем местам
Троса шлифуются все лето.
А сколько песен перепето
И сколько дружб возникло там!

Нет бойче мест, чем те причалы.
Машин собьется — больше ста.
Для интереса
От начала
Пройди колонну до хвоста.
Костры и шум разноголосый,
Там анекдот из уст в уста,
Там с детворой русоволосой
Удит плотву детина рослый,

Там старожил, вконец устав,
Все отвечает на вопросы:

— Ну, как там — новые места?..
Спешат строители, шахтеры —
Когда-то ляжет первый рельс! —
На смелый труд зовут просторы,
И не сочтешь уже, который
Паромщик сделал нынче рейс.

Спешат из дальних и окрестных
Из городов и деревень
И те, кто видит новый день
На берегах еще безвестных,
Кто свyksя с жизнью кочевой
На жарких стройках пятилеток,
И те, кто в этот год впервой
Начнет здесь путь свой трудовой
Без педагогов и отметок.

Спешит — ему своя забота —
И тот вербованный народ
(Название выдумал же кто-то!),
Что вездесущ — была б работа,
Длиннее рубль

Да в чем-то льгота —
И через Томь прошел бы вброд.

И все мне кажется: когда-то
На этом самом берегу
Средь тех, что ищут набегу
Седьмое небо златоврато,
Я встретил первый раз Липата.
Но так как очередь здесь свята,
Рассказ тот впрок приберегу.

Паромы...

Есть своя в них прелесть...
Запомнил Костя перевоз,
Где, шелохнуться не осмелясь,
Одним плащом с Аленкой грелись,
Пока скользил по блоку трос.
Апрельский ветер дул студень,
Со свистом кланялась лоза,
И Томь была такой смятенной,
И непонятной, и бездонной —
Точь-в-точь Аленкины глаза.
То пронесет обломок льдины,
Нахмурится — куда с добром! —

То робко, где-то с середины,
Займется светлым серебром,
То, вспучив тайные глубины,
Нырнет смущенно под паром,
То снова закипит от ветра,
Обдаст огнем холодных брызг,
И темная волна в полметра
Разбить паром готова вдрызг...

Хотя всего-то разговору:
Куда, откуда да зачем? —
Но каждый мысленно в ту пору
Совсем иных касался тем.
Что из Юрги, что строить город —
Все ясно юному шоферу,
Вопрос: надолго, насовсем?
И тут он — знаю по себе я, —
Поймав настороженный взгляд,
Должно, смущаясь и робея,
Завел о чем-то невпопад.
Что тоже, мол, не к теще в гости,
Что третий год он здесь шофер,
И даже вырвалось у Кости,
Что не женат он до сих пор...

А та, общительна сначала,
Вдруг непонятно почему
Не то о ком-то заскучала,
Не то не в шутку осерчала
И на прощанье у причала
Не подала руки ему.

И, может, разговор окольный
Так и прошел бы без следа,
Когда б о девушке невольно
Не думал Костя иногда.
Перед глазами и поныне
Стоит она, как в первый раз,
С литыми косами льняными,
С живыми васильками глаз,
С душой,
Лишь в край родной влюбленной.
Еще открытой всем ветрам,
Еще ничем не опаленной,
Еще ничем не замутненной, —
С такой, как росы по утрам...

Какой нежданной стороною
Вдруг обернется белый свет,

Тот свет, что школьною стеною
Был отгорожен десять лет?
Какой еще держать экзамен
Пред входом в этот мир большой
Девчонке с синими глазами,
С ее нетронутой душой?

Пусть эта мысль — уже не смелость,
Но мы-то знали по себе,
Что аттестат — еще не зрелость,
Она, как в старой песне пелось,
В труде приходит и в борьбе;
Что есть и парни и девчата —
Не труд простых рабочих чтут,
А все готовятся куда-то,
С прицелом лишь на институт.

Что ж, этот день не за горами,
Когда Корнель и Теккерей
Займут свои места в программе
По подготовке слесарей.
Но для того еще, как воздух,
Нужна работа крепких рук
На стройках, на полях колхозных,
На новых шахтах, что вокруг.

И наше счастье, что, срывая
Иллюзий розовый покров,
Шла юность наша огневая,
Судьбу отцов перенимая
И унаследовав их кровь.
Шла в бой,
Шла в самое горнило
Крутых послевоенных лет.
Не этих ли традиций сила
И с целиной ее сроднила,
И повела за сердцем вслед
На зов далеких новостроек —
В Сибирь, на Север, на Восток, —
В тот мир, что новых ждет героев,
В мир, что прекрасен и жесток,
Что не совсем еще устроен,
Но будет светлым — дайте срок!

А день зовет от тех раздумий,
Сентябрьским солнцем залитой,
Весь в напряженье, в звоне, в шуме,
В прозрачной дымке золотой.
От гор, поднявших величаво
Крутые склоны над Усой,
Где облака берут начало

Еще туманом и росой,
До гор Притомского заречья —
Столкнулись, как в бою враги,
Задор и воля человечьи
С коварством топи вековечной,
С упорством камня и тайги.

Где край строительной площадки? —
Попробуй нынче разберись!
Там экскаваторов десятки,
Там облака, покинув высь,
На стрелы кранов оперлись,
Там взрывов черные фонтаны,
Там гром дробилок, пенье пил,
Там взвод девчонок приступил
К укладке бута в котлованы.
А там дошло уж до стропил.
А там саперы-одногодки —
Судьба их снова здесь свела, —
На каски заменив пилотки,
Рекорды ставят на проходке,
И штольня — знайте их дела! —
До сердца гор уж пролегла.
А дальше, где еще, однако,
Не отзвенели топоры,

Бульдозерист Неунывако
Утюжит склоны вдоль горы...
А здесь — «Дай копоты, ребята!» —
Шумит Гордеич шоферне
И приседает экскаватор,
Вгрызаясь в грунт, — стена к стене.
И все — механик и ребята —
Во власти праздника труда,
И даже — чудо! — иногда
В руках ленивого Липата
Нет-нет выиграет вдруг лопата,
И смаху камень в пол-обхвата
Взлетает черт его куда!

Нет, здесь отсрочек не просили,
Часам делами счет вели;
Здесь люди — труд любой взвали —
Все по плечу им, все по силе.
В каком еще краю земли
Таких найдешь, как не в России?
Но вот к концу подходит смена.
Горят осины на ветру
Средь пихтача — костер к костру.
Листвой пожухлой, прелым сеном
Запахло к вечеру в бору.

Поднялся выводок утиный
С заросшей травами курьи.
Сверкнув летучей паутиной,
Угас последний луч зари —
Не вспыхнуть больше волоконцам,
Все потускнело как-то вдруг,
Но долго пахнет знойным солнцем
От камня, стали и от рук.

АНТОН СТЕПАНОВИЧ ЛАПШИН

Все шло порядком, заведенным
Не нами и не в этот час,
Когда еще все горячась,
Еще в том духе возбужденном,
Что был сподвижником рабочим
В работе, справленной тобой,
Ты перед сменой озабочен
Ее дальнейшею судьбой;
Когда напарник твой степенно,
Ощупав каждый трос и вал,
С тобою вместе пересмены
Свершает строгий ритуал.

Уже с масленкой неизменной
Нерасторопный с виду Влас
Весь экскаватор перед сменой
Пообошел последний раз,

И Петр Гордеич с Шаповалом —
Со сменщиком своим бывалым —
Сел напоследок покурить,
И Глеб с попутным самосвалом
Приехал в срок, что не бывало,
Липата, нижника, сменить
(Должно быть, снова от зарплаты
Остался только дымный след,
Иначе бы подвел Липата
Наш франт и местный сердцеед);
Уже шоферы, как начальство,
Вели осмотр своих машин,
Как вдруг в забой зайти решил —
Что приключалось с ним не часто —
Антон Степанович Лапшин.

Обычно час его приезда
Похож был больше на налет —
Даст указаний строгих бездну,
Потуже «гайки подвернет»:
И то не так, и то не эдак,
И темп не тот, и сгоряча
Пообещает напоследок
Прорабу всыпать «строгача».

Не грех, что сам его внучатам
Он ровня был иль старше чуть, —
Любил внушить, в чем власти суть,
И даже словом непечатным
При этом запросто блеснуть.
Вспылит, как вихрь,
Закрутит лихо,
И вот уж след его простыл,
И до того вдруг станет тихо —
Как после фронта дальний тыл.

Нет, не скажи:
По всем приметам
Он не таков был, наш герой,
Что к тридцати по кабинетам
Заводит стойкий геморрой,
Что, канув в вечность безвозвратно,
Еще ютится в недрах книг
С такою хваткой бюрократа,
Что вспомнишь автора на миг:
«Да полно, так ли все, старик?
Не сам ли ты его двойник?»

Нет, он масштабней, колоритней,
Он вровень с временем плывет;

Защитник новшеств и открытий,
Сам что-то делает вот-вот.
Не раб бумажек и конторы,
Он смел и дерзок был подчас,
Имел свой взгляд, вступая в споры,
На жизнь, на Маркса и на вас,
И анекдотец про запас,
В иное время за который
Засняли б в профиль и в анфас,
И — марш в те самые просторы,
Где и Макар телят не пас.

Он на леса умел взбираться,
Раствор зачем-то в руки брал,
Зачем-то нюхал, растирал,
И, чтоб попроще показаться,
Говаривал: «Здорово, братцы!»,
Как стародавний генерал...

Но здесь он гость был не из частых
(Едва ль сочтут то за беду),
Зато на пусковых участках
Любил у всех быть на виду.
За нрав напористый, за смелость
Его бросали, так сказать,

Туда, где надобность имелась
И вдохновить и поднажать.
И пусть для доброго почина
Причин достаточно иных —
Растет порою беспричинно
И крепнет слава лапшиных.
Растет, как снежный ком огромный,
И хоть ты сам его скатал,
Ты удивлен: как, невесомый,
Такой махиною вдруг стал?

Но ты той славе не завидуй:
К тому, что создано вокруг,
Лапшин причастен только с виду,
Все — труд твоих рабочих рук.

Он был тем самым исключением,
Когда еще не близок крах,
И снежный ком весны течение
Не унесло еще в овраг.
Еще не встретив той преграды,
Высокомерен и спесив,
Нахален, молод и красив,
Он брал от жизни все, что надо,
Брал, позволенья не спросив.

Однако, здесь вот, на об'ектах,
Все ж оценили Лапшина.

Спроси:

«Ну, как он, человек-то?»

Ответят:

«Грош ему цена!»

СОФРОН ПЕТРОВИЧ КУСУРГАШЕВ

Родные берега

Хорош, хорош таежный воздух!
Спишь, как убитый, до утра.
Но будит дед — вставать пора.
Уже былых соперниц в звездах
Не видят искры от костра,
Над горным кряжем зорька брезжит,
Туман весь берег заволок,
И лес как будто бы пореже,
И снят с рогульки котелок.
Уха янтарная клокочет
(Ерши — с ладошку в аккурат),
За полверсты в носу щекочет, —
Не то что сонный — мертвый вскочит.
Какой там сон! Ты зорьке рад,
Тебя уж нетерпенье точит:
Скорей, скорей на пережат!

Спешит вперед, неутомима,
Как вечный труженик, река,
Летит, всклокоченная, мимо,
Минуя быстрый пережат.
Шумит, беснуется — ей тесно,
Она то соберет в клубок,
То вдруг на грудь скалы отвесной
Обрушит струй своих поток;
Взметнет их, вновь узлом завяжет,
Потреплет, вспенит заодно, —
Как будто здесь, под этим кряжем,
В обломках скал, забивших дно,
Из белопенной звонкой пряжи
Ткут голубое полотно.

И там, где волны постепенно
Ложатся в голубую гладь,
Берется хариус отменно —
Такой вот! — чтобы не соврать.

Ты можешь век не прикасаться
К нехитрой снасти с поплавком,
Ты с тайной клева не знаком,
Но, раз поймав его, красавца,
Заядлым станешь рыбаком.

И разве есть еще дороже
Земля, чем эти берега,
Где ты мальцом ловил сорожек,
Где в плен брала тебя тайга
Душистой сочною малиной,
Осенним даром кедрача,
Немудрой песней глухариной,
Водой студеного ключа;
Где ты с бригадою отцовской,
Как сокол, ставший на крыло,
Гордясь брезентовой спецовкой,
Шел обновить свое кайло;
Где, по-мальчишески несмелый
И по-мужски на слово скуп,
Сорвал, как гроздь рябины спелой,
Заветный плод с девичьих губ,
Где в год, как свадьба подоспела,
Поставил первый в жизни сруб;
Где, у косы направив жало,
Ходил в атаку на траву;
Откуда юность уезжала
С полком сибирским под Москву...

Здесь все твое: лугов раздолье,
Глубь омутов и плесов мель,

И вербой пахнувший апрель,
И стежка снежная соболя —
Твоя земля из всех земель, —
Твой отчий край и колыбель,
Край, о котором с тайной болью
Ты, помня все до малой доли,
Грустил за тридевять земель...

А кто еще вот так, по-братски,
Тебя усадит в тесный круг,
Где ни чинов и ни заслуг,
Как не ночной костер рыбацкий?

И пусть ведет знакомство наше
Свой календарь издавека,
А по душам, у огонька,
Меня и деда Кусургаша
Сдружила все-таки река.

Уже, бывало, звезд не застя,
Задремлет возле ног костер,
А он все ткет и ткет узор
Былин, рожденных среди гор.
А то начнет о внучке Насте,
О нашей стройке разговор:

— Вот ты, поди-ка, не поверишь —
Бурчит, мол, дед, как тот ручей, —
А молодежь не та теперь уж —
Куда смышленей и бойчей.
Ить взять, к примеру, ту же Настю —
Пойти бы ей, как ни гадай,
По медицинской, скажем, части.
Так нет — ей технику подай.

Пока тут все образовалось
И только штольно стали бить,
Она еще не сомневалась,
И как ей жить, и кем ей быть.
Пошла на фельдшера учиться.
Ну-к, что ж, не плохо, говорю.
А стройку начали — смотрю:
Моя Настасья — крановщица!
Маячит в будке подвесной
Промежду небом и землей.
Какой шайтан ее попутал?
Ить высота какая — страсть!
Слазь, говорю, немедля слазь!

— Люблю, — смеется, — высоту-то:
В такое время родилась!

Мол, должность —
Выше нынче нету.
И воздух чистый — благодать,
И видно, дескать, всю планету,
И солнце — вот, рукой подать!

Ну, я за опояску разом —
В сердцах я тоже дюже строг, —
Наставлю, думаю, на разум,
При всем народе, видит бог.

Спасибо, тут начальник ейный,
Антон Степаныч, подошел,
С ним—Тихон, секретарь партийный.
Стыдят меня: нехорошо,
Нехорошо, мол, так, папаша,
Решать семейные дела.
А дочка али внучка ваша,
Не бойтесь, будет, мол, цела.

Так и нашла девчонка счастье, —
Усовестили старика..

А я ить помню, как ту Настю
Выхаживал еще с рожка.

(Прибор такой есть немудрящий.
Как, значит, станешь сиротой,
Тогда заместо настоящей
Тебя и кормят грудью той)...

Да-а... Трудное у Насти детство...
Мать после родов померла.
А сын мой Петр — ее отец-то...
Война отца-то отняла...

Костра остатки карауля,
Крадется ночь из-за спины
На рысьих лапах тишины,
И лес в безмолвном карауле
Застыл, как войска две стены.
Не скрипнут сумрачные кедры,
Осинник замер, чуть дыша.
Но нет, отходчива душа,
И память вновь готова щедро,
Как светлая вода ключей,
Питать рассказчика искусство.
И вот уж не родник — ручей
Течет то весело, то грустно
И без труда находит русло
В отличие от иных речей.

И не беда — на то рыбалка! —
Что прихвастнуть был дед не прочь,
Побудешь с ним —
И, нет, не жалко,
Что ты не спал почти всю ночь.

Земли Российской рядовой

Ему давно перевалило
За ту черту, когда пора
От райсобеса ждать добра,
А все неведомая сила
Куда-то тянет со двора.

Охотник, карбасник, паромщик,
А нынче — сторож мостовой,
Не знал он в жизни званья громче,
Чем званье — смертный рядовой.
Всего хватил он в этом званье.
То нищим был, то — богачом.
То вошь в кармане на аркане,
То вся Россия за плечом.

Бойцом с берданкой партизанской
Он начал путь свой в Сыркаше,

Бойцом Рабочей и Крестьянской
Отведал сабли белопанской,
Пуд соли с'ел на Сиваше
И рядовым в конце гражданской
Нашел в губернии Рязанской
Вдову-солдатку по душе.

Ну, чем, казалось бы, не счастье?
Своя земля, своя изба.
И власть — иной не надо власти,
Ее судьба — твоя судьба.
Так нет, сманил Анастасию,
Свою солдатку, за порог
(Он внучку в честь ее нарек),
И за год чуть не всю Россию
Прошел с ней вдоль и поперек.

Изведал труд молотобойца,
Бил камень, плотничал как мог,
Путь за Урал уж было лег,
Да остудил жены упрек:
«Куда ты? Бога-то побойся!
На сносях я. Ай невдомек?»
Просил, наивный, покрепиться:
«Ну, хоть до станции! Пойми,

Недостает мне, вольной птице,
Моей тайги, моей Томи».

Но что рядиться — не базар же.
Сын народился в Омутке.
Пришлось подшкипером на барже
Лет восемь плавать по Оке.
Заполучил земли полоску,
Слепил лачужку, обрусел, —
И даже окать стал по-окски.
Ну, словом, накрепко осел.

И жил бы так, нужды не зная,
Справляя мелкие дела,
Но рядовых земля родная
На новый подвиг позвала.
Загрохал снова котелками
В «пятьсот веселых» поездах
Народ с рабочими руками,
С мечтой о городах-садах,
И тот, что молод, и в годах,
И разве что лежащий камень
Мог равнодушным быть тогда.
В ту пору даже в стих к поэтам,
Ломая прежних песен строй,

Врывались тонны, кубометры,
Кузнецк, Магнитка, Днепрострой
И непридуманный герой.
И вот с таким попутным ветром
Вернулся дед в Кузбасс родной.

В мороз, в метель, что наметала
Сугробы высотой с этаж,
Рыл котлованы, вел монтаж —
Судьбу кузнецкого металла
Решал со всеми Кусургаш.

А после в штольне таштагольской
Руду для домен добывал.
Но старый след от сабли польской
Все чаще знать себя давал.
А тут случись еще обвал —
Прижало деда к стойке скользкой:
«Ну все. Кажись, отвоевал».

Уже в месткоме был покрашен
Дощатый столбик со звездой:
«Софрон Петрович Кусургашев —
Земли Российской рядовой»,

Однако на шестые сутки
Нашли зарытого живьем.

Казалось, уж какие шутки,
А он свое: «Ну нет, брат, дудки!
Еще со столько проживем!
Сибиряки народ двужилый!»
А женке приказал, чужак:
«Хотя он — памятник — могильный,
А все же память, как-никак.
Для смеху кинь-ка на чердак»...

Беда не ходит в одиночку.
Случись одна, а там держись —
Такую чертову цепочку
Нанижет их порою жизнь.
Одна к одной. То хворь Петрухи,
То смерть Настасьи на крыльцо.
И дом горняцкий без подруги
Стал для Софрона мертвецом.

Такое, доведись любому,
Припорошит снежком виски,
И будешь рад бежать из дому
Куда угодно от тоски.

Присел в дорогу на минутку:
«Прости, Настасья, не могу...»
И в тот же день по первопутку
Ушел с сынишкою в тайгу.

Все пережил старик — и эту
И не одну еще беду,
Но я имею то в виду,
Что так, пожалуй, и до лета
Рассказ к концу не доведу.
Хотя, с дотошностью такою,
Не с тем расходуя запал,
За стариком след в след ступал,
Что музу бес водил рукою,
Пока бог-разум крепко спал.

Вглядись: не рыцарь в звонких латах —
Мужик, как тысячи из нас.
Но есть особый смысл как раз
В руках, как корни, узловатых,
В прищуре все видавших глаз,
И в том, что прост по-человечьи,
И мудр, как Тегри-Тыш седой,
И что несли вот эти плечи
Весь груз Истории самой.

Такой породе тугоплавкой
Не страшен был любой накал.
Нет, не спешил старик с отставкой,
Покоя в жизни не искал.
Он знал, что руки трудовые
Еще сгодятся в самый раз,
Когда откроет кладовые
Своих богатств родной Кузбасс.

Он все таким же расторопным
Через пихтач, глухую тьму
Водил геологов по тропам,
Известным зверю да ему.
Возил на карбасах припасы
Для первых поисковых групп
И ставил в устье Ольжераса
Под зимовье смолистый сруб.
Он знал с весны по ледолому,
Что будет прав Томи не прост,
И каждый год водил паромы,
Пока не выстроен был мост.

Не потому старик так строго
Стоял вначале на своем,

Оставшись с внучкою вдвоем,
Что для нее его дорога
Давно уж поросла быльем,
Что будто смутны, как преданье,
Династии рабочей честь
И право самому прочесть
Смысл подвига и созиданья
И жизни той, какая есть,
А потому, что сердце в чем-то
Сомненье начало скрести:
«Прожить — не поле перейти.
А вдруг не выдюжит девчонка?
А ну, как сдаст на полпути?..»

Еще о молодости

И был еще у Кусургаша
Со внучкой Настей давний спор:
— ...Невеста, говорю, всех краше,
А в девках ходишь до сих пор.

Смеется: что, мол, торопиться,
Ведь сам же, дескать, хвалишь ты,
Такой товар не залежится —
Небось, придут еще сваты!

Оно, конечно, и не к спеху.
Но взять, опять же, то в расчет,
Что правнук — тоже не помеха,
И жизнь бойчее потечет,
И старику, глядишь, почет.

Но как втолкуешь несмышленной?
Вспылит — заладил, мол, одно! —
И шась с подружкой Аленой
То на танцульки, то в кино...

Оно не то, чтоб вовсе, значит,
У Насти не было дружков, —
Приходят, под окном маячат,
Считай, до самых петухов.
Но все не то. Не то, что надо!
Я разбираюсь — не ослеп.
Ну, хоть, к примеру, тот же Глеб —
Петра Гордеича бригады.
Вихлястый, как худой плетень,
Прическа — будто год не стрижен,
Штаны — чуток колен пониже,
И новый галстук каждый день.
Ну, пыль пустить там, приодеться
Умеет в смысле... как их... мод.

А кто он есть, когда взглядеться?
Ить нижник! Вот уж скоро год!

Другие выросли ребята
До машинистов, слесарей,
А он как начал тут с лопаты,
Так и закончит, видно, ей.
Да выйди за такого Глеба —
Не то что счастье обретешь,
А насидишься и без хлеба,
А то и... по миру пойдешь.

А между тем, во всем поселке
Одну хоть девку назови,
Что он не пробовал сбить с толку,
Не об'ясниться ей в любви.
Он чем берет, стервец: веселый,
Умеет спеть и пошутить.
А жизнь без шутки, стало быть,
Что новый дом без новоселов...

Но хороша и шутка к месту.
А мне в те дни и смех не смех,
Пытаю Настю: ну, невеста,
Чем взял тебя он — неизвестно!

Смеется: с ним-де интересно,
Мол, не походит он на всех!

Вот, видишь ты, какое мнение?
Он как блесна — что ни чудней,
То интересней для тайменя,
Ту и хватает он верней.

И то сказать, ить словно кремни,
Иные парни есть у нас:
Пред тем как спеть,
Пуститься в пляс,
Прозаседают целый час,
План утверждают, как тот указ,
А первым парнем по деревне,
Тем часом ходит Глеб как раз...

Поволновался я не мало:
Не дай бог этакой родни!
А Настя с ним да с ним все дни.
Но, правда, в строгости держала:
Дружи, а больше — извини.
Видать, девчонка раскусила,
В чем, значит, сердцевины суть.
Так он ить, проклятая сила,

Меня хотел в сваты втянуть!
Клянется, будто так и надо:
До гроба Настю, мол, люблю.
Да нешто я свою отраду
Отдам такому кобелю?..

Жара. В янтарных бусах кедры —
Сочится смолкою кора.

Одолевает мошкара.

— Ты закури, оно не вредно, —

Старик советует, — ей-пра!

А сам колдует у костра,

Поскольку полдничать пора...

— ...А то еще — другой парнишка.

Русявый, видный из себя.

Все ходит к Насте, носит книжки,

А видно: ходит-то любя.

Не ветрогон, не полуночник.

Да ты встречал его, поди, —

Петра Гордеича помощник.

Механик вроде, — а, гляди,

Как ты же, балует стишками —

Для Насти все. И, примечай,

Забудет их промеж листками,

Как будто, значит, невзначай.

Ну, там, про звезды да про небо,
А ясно, что к чему ведет.
И, главное, не терпит Глеба:
При нем — к избе не подойдет!

Спервоначалу-то, пожалуй,
Им дюже Настя увлеклась.
И мне все уши прожужжала:
Все Влас да Влас, все Влас да Влас.
Да, видно, чем-то не потрафил.
Смирен уж больно этот Влас.
А на Настасьин-то характер
Вот как нужна мужская власть.
Лукава, как моя лодчонка, —
Чуть прозевал — перевернет.
Но все со временем пройдет —
Покочевряжится девчонка,
А там, глядишь, и в ум войдет...
Подружка у нее, Аленка, —
Вот та Настасье не чета,
Вот та совсем другого сорта.
На вид — святая простота,
А ить, смотри, какого черта
К рукам-то прибрала она:
Подумать только, — Лапшина!..

Да-а, так-то вот находят счастье.
Все просто и без лишних слов...

Ну, что же, сматываем снасти?
Ишь как печет. В жару — не клевет...

Печет. Должно, дождю случиться —
И зверь и птица в холодке,
И, словно радуги частица,
Стрекозка сонная лучится
На неподвижном поплавке;
И наша легкая долбленка
Едва по речке чертит след...

Аленка... Милая Аленка...
А так ли все, как думал дед?..

Но вот и мост. Сторожевая
Избушка деда в три окна,
И рыжий пес, душа живая,
Летит стремглав по дамбе к нам.
Бунтует пенное ярило
У основания быка,
Но как ни бьется с ним река —
Не стронула, не сговорила,

Лишь пылью брызг посеребрила
Его бетонные бока.
А может, это капли пота?
Все может. Спорить не берусь, —
Ведь не легка его работа —
Нести пролетов тяжкий груз.
И пусть конец главы украшен,
Быть может, строчкою не той —
Я мысли радуюсь простой,
Что для сравнения с Кусургашем
Приметил мостовой устой.

ПЕТР ГОРДЕЕВИЧ БОРОДИН

Еще палаткою дырявой,
Чуть-чуть приподнятой с угла,
Вис небосвод над переправой,
И берег скрадывала мгла,
И в трех шагах от переката,
На стрелке галечной косы,
Дремал, как мамонт, экскаватор,
Чуть запотевший от росы,
Но, потревожив сон, в поселке
Зажглось окно Бородина —
И вот уж Томь подожжена:
Дрожат и плаваются осколки
Второго, ...пятого окна...
То скрипнет дверь, то у колодца
Ведро в потемках гроыхнет,
То дым печной к земле прижмется,
То щами вкусными пахнет.
А там вошла на небосклоне

Звезда, предвестница зари,
Исчезла в розовой короне,
И вот он, робкий луч, горит
То у березы в жаркой кроне,
То в алых гроздях у рябин.
Идет рабочий день желанный.
И солнце — словно первый блин,
И льется в Томь со всех долин
Парное молоко тумана,
И журавлей последний клин
Спешит с низовьев Васюгана...

Гордеич...

Сколько меж другими,
С какой особой теплотой
Твое здесь повторяли имя
За то, что славился своими
Делами, честной прямоотой:
За то, что в трудный час был первым
Там, где другим не вмоготу;
За то, что собственным примером
Вселял в людей такую веру,
Что шли — и брали высоту;
За то, что не один твой нижник
В кабину машинистом сел;

За то, что крошки хлеба в жизни
Незаработанной не с'ел;
За то, что чувства, разум, волю
Не расточал по мелочам.
И — как сказать? — не оттого ли
Твой путь, как тропка в снежном поле,
Другим дорогу означал?
Не на таких ли строй держала
Та юность, что сменяет нас?
И разве не таким держава
Судьбу вверяла в трудный час?

Вот он окинул добрым взглядом
Свой город и речную даль.
А этот взгляд под Сталинградом
Был жгуч, как уголь, тверд, как сталь.
И, может, с той поры военной
Он взял за правило себе:
Всегда быть там, где непременно
Клокочет жизнь —
В труде, в борьбе;
Всегда — на главном направленьи,
Чтоб поработать — так уже всласть,
Чтоб справиться дело — так ту часть,
Что предрешит исход сраженья.

А там — в горком — взять направление,
Чтоб где-то снова все начать.

Когда своим партийным долгом
Считаешь долг быть впереди,
И разговор не станет долгим:

— На стройку?

— Да.

— Ну что ж, иди.

— Так не один же — вся бригада.

— Как? И бригада заодно?

— А как же. Надо — значит надо.

У нас уж так заведено.

И смотришь — вот уж для барака
Связали нижние венцы.

Он, Шаповал, Неунывако —

На стройке первые жильцы.

И хоть селились не навечно —

Край обживали навсегда

И для порядка у крылечка

Сажали кедры в два ряда...

Легко с такими жить бок о бок.

И нынче снова вспомнил Влас,

Как год назад, смущен и робок,
Сам шел на смену в первый раз.
Гордеич встретил:
— Звать как?
— Влас...
— Люблю плечистых, крутолобых.
Да ты смелей, рабочий класс!
Держись орлом!
Не грех, что нижник.
Пока — подай да помоги,
А там — лишь не чурайся книжек —
Глядишь, и сел за рычаги!..

Припомнил вновь, как в общежитье
Шептались с Костей дотемна:
— Такое в жизни, брат, событие —
Взят в экипаж Бородина!..
Теперь и я механизатор!..
— Э, нет, дружок. Как говорят,
Пока не сел на экскаватор,
Не торопись в калашный ряд.
На пуп заглядывай почаще:
Как от мазута заблестит,
Так в нижний чин по нашей части
Тебя Гордеич посвятит!

А для начала — не журишь! —
Лопата — тоже механизм!..

Припомнил, словно светлый праздник,
Погрузку первого ковша
И первый стих — утерпишь разве,
Когда поет твоя душа!?

Нет, хорошо, как есть опора —
Плечо Петра Бородина,
Да за плечом — друзей стена
И весь Кузбасс, и вся страна,
Да сердце, полное задора —
Любая трудность не страшна!

ЛИПАТ

— Десятник, в чем опять загвоздка?

— Да вот, готовят новый взрыв.

— Глуши моторы! Перерыв! —

И, как бикфордовы шнуры,

В зубах затлели папироски.

Казалось, вот еще затяжка —

И, тем огнем подожжена,

Рванет взрывчатка, ахнет тяжко,

И рухнет скальная стена...

Так необычна тишина!

Как будто день еще не начат

И не было атак горячих.

Но перекур так перекур —

Нашлись и жертва для подначек

И свой бригадный балагур.

В тени осинок в тихой дреме,

Схож цветом с рыжею листвою,

Лежал Липат, что на пароме
Со мною встретился впервой.
Запомнил я одну деталь:
На мой вопрос: «Издали ль?»,
Тщедушный с виду, он ответил:
«Чего пристал-то? Отвяжись!
Ищу, где рай на этом свете —
Не зацеплюсь никак за жизнь!...
Хотя на связанных канатах
Лежала цепкая рука,
А в зарослях бровей косматых
Два хищных прятались зверька.

Встречал и после я Липата —
Уже в спецовке горняка.

Спросил:

— На шахте?

— Там.

— Ну, как?

— Кто как. Со сдельщины оплата.

Тыщ пять мог взять наверняка,

Да вот шахтерская лопата

Уж больно, дьявол, велика...

Был он и в плотничьей бригаде,
Но через месяц рассудил:

126435

«Артельный труд? Чего бы ради
Под чьей-то властью я ходил?
Не-е, проживу и без бригады.
Авось, пробьюсь своим трудом! —
И взял в Нахаловке подряды
На срубы, ставни, на ограды,
И свой, меж тем, затеял дом.
Потом, прослышав о разрезе,
Кадровику дал новый бой:
«Да знаешь, кто перед тобой?!

Да я с пеленок при железе,
При технике стоял любой!
Желаю нижником в забой!»

И хоть пришлось работать честно
И на лопату так налечь,
Что впору тут же прямо лечь, —
Он за свое держался место,
Как по весне голодный клещ.
Преобразился — не узнаешь.
И даже Глеба поучал:
«Что в жизни главное, смекаешь?
Рубль. Он — начало всех начал.
Ты не смотри, что званье — нижник.
Не-е, тут, милоч, не в званье честь.

Петра Гордеича сподвижник!
А с ним — как куб, так рубль есть!
А ковш у нас.... пятирублевый!
Усвоил? То-то, пень еловый...
А что насчет энтузиазму
И трудовых, и прочих вахт —
Так это так, для виду разве.
За деньги вкалываем. Факт».

Он, как всегда, привычке верен,
Пришел, едва зажглась заря,
Дотошно выходил весь берег:
Не заваялось ли что зря.
При нем и спутник неразлучный —
Мешок холщовый через горб, —
За что был прозван наш подручный
Недобрым словом — «крохобор»,
За что, при всех своих уловках,
Был пойман сторожем не раз:
На них, на этаких вот ловких,
У Кусургаша острый глаз.
Не доверял старик Липату:
— Тем и живет, что строит хату:
По кирпичу, по щепке малой,
По плахе, взятой невзначай.

Нахаловский народ бывалый —
Ты по мешкам их примечай.
Так и глядят, чтоб поживиться
За счет растяп да простаков.
Потом тебе же тыщ за тридцать
Продаст тот дом — и был таков.

И вот сейчас, когда Петровым
Он был поддет за лень слегка, —
Что рано, дескать, греть бока —
Сперва дойди до уголька, —
Он не полез в карман за словом:
— Куда спешить? Кури пока!..
Один ведь раз, милок, живем...
А то—Лапшин: «Нажмите, братцы!»,
Другой кто—тоже: «Поднажмем!»—
Не мудрено и надорваться..
Все ждем — машины ажно стонут.
А проку в спешке? Уголь тот,
Небось, века лежал нетронут
И лишний месяц обождет...
От этих «жми» завоешь волком...
Вот как парторг и как прораб,
Ты раз'ясни, милок, мне толком:
Кто я? Рабочий или раб?

Докуда надсажаться будем?
Не время ли пожить как людям?..

Была бы Костина натура,
Да сила Власова была б,
Как знать, что сделал бы прораб?
А тут вздохнул лишь:

«Ну и шкура» —
И вслух: — В рабочие ты слаб.
А вот что раб, так точно — раб.
Раб мелкотравчатой душонки... —

Но тут не выдержал Федот:
— Ох, деликатно! Ох же ж, тонко!
Да нешто до него дойдет?
Ему слова, как та дробинка —
Слоновой шкуры не пробьет!
Ведь он куда, каналья, гнет:
Пуп надорвал! Ах, сиротинка!
В рай захотел? Нет, погоди!
Ты потрудишься еще, пойдешь!
Нет, это все еще разминка,
А дело наше впереди!..
Небось, не плакался, черт рыжий.
Как бревна с запани тягал!
Как для себя, так не до грыжи?!

За сколько новый сруб загнал?!
— Да ладно-те, Федот, да брось ты.
Сорвался, ровно бы с цепи.
А бревна куплены. Друг, Костя,
Не дай соврать...
— Сперва купи!
А другом будешь на погосте.
Не долго ждать-то — потерпи!
— И ты? Собрал же черт семейку—
И слова молвить не дадут!
— Зато, как ты вот, за копейку,
Души ему не продадут!..

И началось. Была б затравка,
А прикурить дадут, ей-ей.
Да что ни слово — то булавка,
Что ни булавка — то больней.
Все знали здесь его привычки.
Он был похож на тех старух,
Что запасают соль и спички,
Едва уловят темный слух.
Как будто в горе всенародном,
В тяжелый для Отчизны час
Он и счастливым и свободным
Мог стать, надеясь на припас.

Нет, разве б шкуру только спас!
Ни думы наши, ни свершенья,
Ни то, что видим впереди,
Не всколыхнули ни волненья,
Ни гордости в его груди.
В душе он — волк, на вид — овечка,
В работе — сам себе кустарь;
Ни ведьме пест, ни богу свечка,
Как говорили люди встарь.

МЫ ИДЕМ НА ШТУРМ

Глухой толчок, еще мгновенье —
Надсадно ахнула земля,
И к небу вскинулись камни,
Как вековые тополя;
Тугой волне
С травой вровень
Поклоны гнет гордец-тальник,
Припал смородинник на миг,
Роняя капли спелой крови,
И, в дальних сопках оседаю,
Стихает гром.
Но не пройдешь —
Сечет листву гранитный дождь,
И все осинка молодая,
От пыли каменной седея,
Никак унять не может дрожь,
Как будто на переднем крае
Тот новобранец полковой,

Что, с первым взрывом замирая,
К концу обстрела сам не свой.
Но снова взрыв, и молодая
Тряхнет кудрявой головой
И, строй подруг не покидая,
Стоит с искромсанной листвою.

А необузданная сила,
Что била, хоть они крепки,
Мостов бетонные быки
И города с земли сносила,
Теперь послушная, ручная,
Дробила скал крутых гранит,
Да так, что только дно речное
Обломки этих скал хранит.

Десятый день ведут сраженья
За левый берег взрывники.
По склону — полка в две сажени,
Внизу — свирепый рев реки,
А метрах в ста застыл повзводно,
Как полк на линии исходной
Перед решительным броском,
Строй тех машин, что нам знаком.

Еще последних два отпала —
И снова ринутся, как в бой,
Бульдозеры и самосвалы,
И экскаватор-запевала
Шагнет в дымящийся забой
С копьем стрелы перед собой.
Еще нет-нет прорежет свистом
Осколок щебня тишину,
А Власу вместе с машинистом
Уже не терпится:

— А ну!

Пскажем темпы Лапшину!

— Гляди-ка в оба за мотором! —

И Петр Гордеич, не спеша,

Подав сигнал друзьям-шоферам,

Берет гранит в ладонь ковша:

— Ну, налетайте!

С пылу, с жару,

Полтина — ковш, на рубль—пару.

Пока погодка хороша!

И вот уже с машиной сросся,

Над самосвалом ковш занес,

Застыл на миг, как знак вопроса.

Как будто напряженье троса

Его рукам передалось.
И все, чем жил, вдруг почему-то
Осталось где-то позади,
И сердце новый с той минуты
Секундам счет ведет в груди.

Ты — бог и царь!
Тебе подвластен
Твой экскаватор, твой забой!
И тот, кто хочет знать, в чем счастье,
Побудет смену пусть с тобой!
Весь этот трудовой конвейер —
Судьба людей, поток машин —
Тебе с утра до ночи вверен,
Никто твой ритм не правомерен
Сломать — ни Тихон, ни Лапшин!

...Труд мастеров, вовеки славься!
Ведь это доля их души
В создание минских, ярославских,
Уральских, горьковских машин!
И пусть эстеты не глумятся:
«Где стих?
Здесь рев машин сплошной!» —
Я в тех машинах вижу братство,

Содружество семьи одной,
Что называем мы страной.

Смотрите: началась атака!
Шестой... десятый самосвал...
Пусть труд людей не одинаков,
Но и шофер и тот, кто вал
Восьмиколенный отковал, —
Всяк в меру сил своих, однако,
Склон Красной горки штурмовал.

И если бы сейчас спросили:
«Осилишь? Путь не проторен!»
Любой ответил бы: «Осилю!
Коль матерью зову Россию —
Нельзя не быть богатырем!»

За метром метр—все ближе к цели
Уходит полка вдоль реки.

Здесь грозный монитор нацелив,
Как гарпунеры-рыбаки,
Профессий новых горняки
Вонзают в грунт струю тугую,
И через миг — лишь камня гладь.

(Вот мне бы технику такую —
Стих от породы отделять!)

Там рвутся искры из-под траков,
Скрежещет камень и металл —
Бульдозерист Неунывако
Сдвигает осыпи в отвал.

Способность все схватить с полслова,
Упорство, смелость, простота,
Горячность, если что не так, —
Все выдавало в нем былого
Героя танковых атак.
Под стать машине скроен грубо,
Весь будто сажею натерт, —
Сверкают лишь глаза да зубы —
Он и в работе суший черт.
На нем спецовка — выжать впору,
Сам мокрый, жизни дал мотору —
Гляди, вот-вот начнет чихать,
Но если б нужно было гору
С землею заодно сровнять —
Сровнял бы всю без разговору,
Не сдал, не повернул бы вспять!..

А там, спустившись по веревке,
Бурит взрывник в скале шпурь;
И сколько надобно сноровки,
Чтоб зацепиться за обрыв!
И кажется: не перфоратор
Стучит, как дятел по стволу,
А тот смельчак из автомата
Спешит в упор сразить скалу...

И видно с берега любого,
Как, взгромоздясь на косогор,
Ведет «Уралец» весь тот хор,
Взмахнув рукой пятикубовой,
Как самый главный дирижер.

Взглянуть на план — все было просто,
И все понятно было тут:
Дороги веером от моста
К забоям будущим идут,
И уголек высокой пробы —
Пласты к пластам — на сотню лет!
А вот пройди к нему с дорогой,
А вот возьми его попробуй,
Когда дороги этой нет!

Здесь землю не топтал зевака,
Певец ромашек не бродил —
Здесь был Федот Неунывако,
Был Петр Гордеич Бородин,
Был тот взрывник, лихой и смелый,
Что скалы бил, как черепки,
И тот упорный и умелый
Народ, чье имя — горняки.

Здесь и поэзия иная,
Хотя не менее близки
Нам были звезды, тишь ночная,
Река, берез листва резная
И белых лилий лепестки;
Хотя порой, причин не зная,
И мы грустили по-людски,
Постылы были и любимы,
Стихи читали под луной...
И все ж она была иной.
Иной, когда два дня кабины
Не покидал ты в дождь и зной,
Воюя с оползнями глины,
С отвесной скальной стеной,
И тут же падал, как хмельной,
И засыпал, кладя по чину

Под изголовье шар земной.
Иной, когда твой вдохновенный,
Отчизне посвященный труд,
Таким стал следом во Вселенной —
Тысячелетья не сотрут!
Иной, отличной от поэзий
Ущербных чувств, разбитых грез,
Когда на шахте, на разрезе
И в новом городе, что рос
Над Томью сотней светлых зданий,
И в том, что выстроить взялись —
Живет исток людских деяний,
Родник, питающий всю жизнь!

ОБ АВТОРЕ

✓ Евгений Сергеевич Буравлев родился в 1921 г. в семье строителей-железнодорожников. Детство его прошло на строительстве Турксиба, а затем дороги Новосибирск—Белово.

✓ В 1938 г., после окончания средней школы, он поступает в Иркутское военное авиатехническое училище и, окончив его, служит в частях Военно-Воздушных Сил и инженерных войск Советской Армии.

✓ Е. С. Буравлев — участник Великой Отечественной войны, награжден орденом Красной Звезды и медалями.

✓ После демобилизации (1946 г.) Буравлев работает в игарской авиагруппе полярной авиации Севморпути, на изысканиях и строительстве дороги Салехард—Игарка, а позднее — на строительстве одного из участков Южсиба — дороги Сталинск — Абакан. Здесь Е. С. Буравлев вступил в ряды Коммунистической партии.

Первые стихи Евгения Буравлева появились

В газете «Стройка» Северного управления железнодорожного строительства, а с 1953 г. его стихи и очерки периодически публикуются на страницах областных газет «Комсомолец Кузбасса» и «Кузбасс», в «Строительной газете», в альманахах «Енисей», «Огни Кузбасса». Стихотворения Е. Буравлева печатались в журналах «Сибирские огни», «Смена», «Молодая гвардия».

В 1956 г. в Кемеровском книжном издательстве вышла первая книга стихов Е. Буравлева «Кладовскатели». «Родник у дороги» — вторая книга поэта.

Е. С. Буравлев — студент-заочник литературного института им. Горького при Союзе писателей СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

Дорога идет на восток

«Не торопись закрыть страницу»	7
Дорога идет на восток	8
Мостовик	11
Баллада о сапере	15
Родник у дороги	21
Трудный пикет	23
Мое счастье	26
Бригадир Али Умарбек	29
На Южсibe	32
Две встречи	34
«Серебряное» звено	39

У нас в Междуречье

(главы из поэмы „Красная горка“)

Немного истории	43
Молодость нашей земли	55
Антон Степанович Лапшин	65

Софрон Петрович Кусургашев	
Родные берега	71
Земли Российской рядовой	78
Еще о молодости	85
Петр Гордеич Бородин	93
Липат	: 99
Мы идем на штурм	107
Об авторе	116

Товарищи читатели!

Издательство просит вас прислать отзывы о содержании и полиграфическом исполнении книги по адресу:

*Кемерово, Володарского, 26, книжное
издательство*

Евгений Сергеевич Буравлев

РОДНИК У ДОРОГИ

СТИХИ

Редактор Н. Соколова
Худож. редактор О. Красова
Техн. редактор Г. Рудина
Корректор Л. Глебова

Сдано в набор 25/I-60 г.

Подписано к печати 15/IV-60 г.

ОП08425. Формат 84×1/64. Об'ем 3,07. Изд. л. 3,32

Авт. л. 3. Тираж 3000 экз. Цена 3 р. 10 к.

Кемеровское книжное издательство,

Кемерово, Володарского, 26.

Типография «Кузбасс»,

Кемерово, Сталина, 66.

НОВАЯ ЦЕНА

с 1.1 1961 ГОДА

руб. —

коп

31